

Не мудрено, что Бай Юнь изменилась в лице — в те времена мало кто осмеливался провожать подобные дела прилюдно, тем более по предложению от незнакомца, с которым они видятся впервые.

Шэнь Цзянань прекрасно это понимал, а потому ничуть не обиделся на её отношение. Напротив, согласись она сразу, ему пришлось бы призадуматься, не поискать ли кого-нибудь другого для этого дела.

— Сестрица Бай Юнь, не думайте обо мне плохо. Я действительно покупаю эту ткань, чтобы сшить себе одежду, — он смущенно почесал затылок и пояснил с улыбкой: — Только не смейтесь над мной, пожалуйста. В нашей конторе товары вроде неплохие, но фасоны у вещей такие неказистые, что смотреть тошно.

Во взгляде парня проступило три части упрямства и семь — обиды:

— Вот я и подумал попробовать сшить парочку нарядов сам. Сгодится — буду носить, а нет — отдам нашим деревенским старожилам, всё равно добру пропадать не дай бог.

— Вот оно как!

Ледяной взгляд Бай Юнь от этих слов смягчился. Она задумчиво оглядела стоявшего перед ней юношу.

Раньше она не обращала внимания, а теперь заметила, какой Шэнь Цзянань ладный да пригожий: кожа светлая, глазам приятнее, чем у любого городского паренька. После его слов она пригляделась и к одежде.

Пусть наряд юноши и не был абсолютно новым, но и к фасону, и к материалу подошли с умом — на пару порядков лучше того, что шили на швейной фабрике «Хунсин». Выходило, что его слова вполне имеют под собой почву.

Бай Юнь подумала, что перед ней, должно быть, избалованный ребенок из богатой городской семьи, и добродушно пошутила:

— Ах ты, парень! Поехал в деревню, а всё о нарядах красивых думаешь. Не боишься, что тебя назовут как его там... гедонистом?

— Я, я не! Ничего подобного!

услышав это, Шэнь Цзянань тут же изобразил испуг: его руки затряслись, точно у больной курицы, так что он едва удержал велосипед.

— Я просто хотел справить себе ладное новенькое пальтишко, а от работы я ни в коем случае не отлыниваю!

Он с паникой в глазах уставился на Бай Юнь, и в его голосе зазвучала мольба:

— Сестрица, ладно, не буду я ничего покупать. Только вы, умоляю, не доносите на меня.

С этими словами он собрался было уезжать. Видя, как сильно его испугала, Бай Юнь решила, что переборщила.

Подума подумаешь, избалованный барин захотел покрасоваться и пришел выкупить бракованные лоскуты да обрезки, а она устроила тут допрос с пристрастием да еще и перепугала человека. Почувствовав укол совести, она поспешно схватила его за руль:

— Не уходи, не уходи! Сестрица просто шутит с тобой! Куда собрался?

Шэнь Цзянань втянул голову в плечи и опасливо покосился на нее:

— Вы... вы не обманываете?

— Нет-нет, что ты.

Бай Юнь рассмеялась и покачала головой, а затем, взглянув на часы, произнесла:

— Смена уже закончилась, заведующего складом на месте нет. Сначала пошли со мной пообедать, а после полудня вернемся.

Тут на лице Шэнь Цзянаня появилась лучезарная и донельзя наивная улыбка:

— Ну раз так, раз сестрица помогает мне, я угощаю вас обедом!

Не дав ей и шанса на отказ, он покатил велосипед вперед со словами:

— Пойдемте, направимся в государственную столовую.

Поняв, что отказаться не удастся, Бай Юнь смирилась и зашагала следом. Впрочем, в глубине души она думала о том, что парень еще совсем юн, да к тому же она только что напугала его — никак нельзя позволять ему платить за угощение. Чуть позже она непременно должна расплатиться сама.

Они шли по дороге, болтая о том о сём, и к моменту, когда благополучно добрались до столовой, уже успели неплохо узнать друг друга. Шэнь Цзянань пристегнул велосипед у входа, и они гуськом вошли внутрь.

Окинув взглядом модно одетую Бай Юнь и смазливого, чистого лицом Шэнь Цзянаня, официантка приняла их за брата с сестрой и сразу же поинтересовалась:

— Чего желаете заказать?

Шэнь Цзянань повернулся к спутнице:

— Сестрица, есть у вас что-то, чего вы не едите?

— Никаких ограничений, — улыбнувшись, отмахнулась Бай Юнь. — Я в еде не привередлива, заказывай на свой вкус!

— Хорошо.

Кивнув, Шэнь Цзянань перевел взгляд на меню:

— С вас порцию тушеной свинины, порцию жареной капусты на сильном огне и четыре ляна риса.

Официантка широко раскрыла глаза, не ожидая от этой парочки такой щедрости:

— На это уйдет два ляна мясных талонов и четыре — зерновых. Тушеная свинина стоит шесть мао, рис — восемь фэнов, а капуста — два мао. (Цены на местах немного разнились, но несущественно; данные приведены со слов родителей автора.)

Видя ее удивление, Шэнь Цзянань ничуть не смутился. В конце концов, в те времена немногие решались зайти в государственную столовую и заказать сразу и мясо, и овощи, а потому он тут же полез в сумку за деньгами и талонами.

Однако Бай Юнь опередила его. Пока официантка еще озвучивала цены, она уже достала из сумочки деньги с талонами и протянула работнице:

— Поторопитесь, пожалуйста, с подачей, мой братишка проголодался!

— Сию минуту!

Официантка протянула руку, взяла оплату и тут же скрылась на кухне. Оставшись стоять с

зажатыми в пальцах деньгами, Шэнь Цзянань смущенно пробормотал:

— Сестрица, я же говорил, что угощаю я.

Бай Юнь с улыбкой отмахнулась:

— Брось ты со мной церемониться, это всего лишь обед.

Дело было вовсе не в том, что она сорила деньгами — она и вправду ни во что не ставила эту сумму. Мало того, что она работала бухгалтером на швейной фабрике и получала несколько десятков юаней в месяц, ее муж занимал пост заместителя директора уездного мебельного комбината, и их совокупный доход был весьма высок. К тому же родители обоих супругов тоже трудились на руководящих должностях и получали хороший оклад.

Не то что в каком-то уезде — даже в крупных городах людей с подобным достатком можно было пересчитать по пальцам. Так что угостить обедом дешевле юаня для нее было пустяком, от которого не дрогнет сердце.

Шэнь Цзянань, разумеется, тоже всё понял. Поблагодарив спутницу, он мысленно решил со временем смастерить для нее какую-нибудь полезную вещь в знак признательности.

Пока они беседовали, официантка принесла еду. Прежде чем уйти, она еще пару раз оглянулась на Шэнь Цзянаня. Бай Юнь не выдержала, нахмурилась и холодно спросила:

— Девушка, у вас еще какие-то вопросы?

— Н-нет, ничего.

Залившаяся краской официантка густо покраснела и бросилась прочь. На лице Бай Юнь вновь появилась улыбка, и она пригласила юношу к трапезе. Шэнь Цзянань радостно поблагодарил ее и, прежде чем приняться за еду, сам положил ей палочками кусочек мяса.

Чего уж там, а нынешние свинина и овощи лишены всяких современных химических добавок — даже при не самом изысканном мастерстве повара вкус получался отменным.

Капуста хрустящая и сочная, тушеная свинина тает во рту, жирная, но не приторная. Оба блюда удались на славу, так что оторваться было невозможно, и они ели без остановки.

Закончив трапезу и немного отдохнув за столиком, они как раз к началу рабочего дня направились к швейной фабрике. Бай Юнь велела ему подождать у угла задних ворот, а сама прошла через центральный вход. Вскоре она вышла оттуда в сопровождении мужчины лет тридцати с лишним.

Тот кивнул Шэнь Цзянаню и сразу перешел к делу:

— Куча стоит четыре юаня. Ткани там разные по расцветке и качеству — есть получше, есть похуже, выбирать не разрешается. Если берешь, я пойду принесу.

Мысленно прикинув оставшиеся после всех сегодняшних трат деньги, юноша насчитал пятнадцать юаней восемьдесят шесть фэнов. Даже после покупки ткани у него оставалось на долгое время вперед, поэтому он без колебаний кивнул:

— Хорошо, побеспокою вас, братец, соберите мне одну кучу.

— Ладно! Жди здесь.

Мужчина развернулся и снова скрылся за воротами фабрики. Тут Бай Юнь пояснила парню:

— Он из отдела логистики, фамилия Ван, зовут Ван Хун, можешь звать его просто братом Ваном. Мне пора на работу, я пойду внутрь. Как только он вынесет ткань, расплачивайся и сразу уходи, понял?

Слушая ее, Шэнь Цзянань сразу сообразил: она предостерегает его от праздных шатаний по улицам, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он поспешно кивнул:

— Я понял, сестрица, спасибо вам. Как-нибудь выберусь в поселок свободным днем — непременно позову вас в столовую.

Бай Юнь прикрыла рот рукой, улыбаясь: она поняла, что он всё еще думает о недоеденном угощении.

— Договорились! В следующий раз ты угощаешь.

С этими словами она скрылась за воротами фабрики. Вскоре Ван Хун выкатил из задней калитки мешок, зажав подмышкой моток веревки, развязал его перед Шэнь Цзянанем и вытянул наружу горсть лоскутов:

— Смотри.

Шэнь Цзянань остолбенел, разглядывая предложенные отрезы. Крупных кусков оказалось множество, на ощупь материал был отменного качества, причем многие ткани даже не завозили в снабженческие лавки.

В его голове уже вовсю зарождались планы по использованию этих сокровищ. Поспешно

достав деньги, он отдал их Ван Хуну и попросил помочь крепко завязать мешок, а затем приторочить его веревками к багажнику велосипеда.

Попрощавшись с мужчиной, Шэнь Цзянань в самом радостном расположении духа оседлал велосипед и покатыл прочь от фабрики в сторону коммуны «Хунци».

Когда он добрался до бригады, было уже около шести часов вечера. Как раз заканчивалась дневная смена, и крестьяне, заметив мешок на багажнике его велосипеда, решили, будто ему снова прислали посылку из дома, отчего их лица позеленели от зависти.

Нью Чуньхуа проводила взглядом удаляющуюся фигуру и процедила сквозь зубы:

— Ишь какое богатство! Что ни месяц — посылки шлют, да еще какие здоровенные!

— Он же из самого Хайши, — с вожделием глядя на мешок, протянула Чжао Хуньин. — Говорят, его отец — главный начальник производства на тракторном заводе, мать — старшая медсестра, а бабушка с бабушкой и вовсе зажиточные люди.

— То-то он раньше такой заносчивый ходил! — глазки Ли Чжаоди забежали, вынашивая хитрый план. — Как думаете... какую жену возьмет себе этот столичный паренек?

— Тьфу! — Нью Чуньхуа презрительно обернулась и окинула ее оценивающим взглядом. — Что, твоя семейка метит в зятя к столичному интеллигенту?

Пойманная с поличным Ли Чжаоди залилась краской до самых мочек ушей и замялась:

— С чего ты взяла? Я просто спросила.

— Просто спросила? — усмехнулась Нью Чуньхуа и ядовито добавила: — Подруга ты мне или нет, но предупрежу: надо знать свое место, Шаоди, и не строить воздушных замков.

Его благородное происхождение в расчет не берем — одной лишь внешности Шэнь Цзянаня достаточно, чтобы ни одна деревенская девчонка из нашей бригады ему в пару не годилась.

К тому же он парень молодой, да еще и старшеклассник! На выданье в твоём доме разве что Сяо Минь подходит, а ей уже двадцать! Она же на три года старше этого Шэня!

— Ха! Чуньхуа, неужто ты не слышала поговорку: старше на три года — к богатству и удаче?

Гу Юй как раз поднимался по тропинке на поле, когда услышал этот разговор. Лицо его помрачнело, и он намеренно громко окликнул:

— Цзянань!

— Ай, мамочка!

Увлеченно болтавшие девушки от неожиданности взвизгнули. Все трое испуганно схватились за грудь и оглянулись:

— Совсем одурел, ты...

Но оборвали себя на полуслове, встретившись с ним взглядом. На Гу Юя было страшно смотреть: лицо осунувшееся, брови сошлись на переносице, а в глазах застыл такой ледяной холод, будто он готов был искромсать их на куски.

Недосказанная брань застряла в горле. С окоченевшими движениями Нью Чуньхуа дернула за рукав подруг:

— Уходим, уходим домой, ужин готовить надо.

— Угу, угу!

Чжао Хунъин и Ли Чжаоди испуганно закивали и бросились следом за ней. Проводив взглядом беглецов и вспомнив об услышанном, Гу Юй раздраженно нахмурился и зашагал догонять Шэнь Цзянаня.

Добравшись до подножия холма, он застал парня за развязыванием веревок и поспешил на помощь:

— Давай я!

— Брат Гу?! — услышав шорох, Шэнь Цзянань с радостной улыбкой уступил ему место. — Разве тебе сегодня не нужно отлучаться?

Гу Юй на миг замер, но тут же продолжил начатое:

— Пока нет. По поводу того дела...

Он поднял глаза на юношу и произнес тихо и серьезно:

— Как только всё утрясется, я тебе обо всем расскажу.

Шэнь Цзянань опешил, а затем с улыбкой кивнул:

— Хорошо.

Пока они переговаривались, узел поддался. Гу Юй с легкостью взвалил тяжелый мешок на плечо:

— Возвращай велосипед, а я пока занесу добро в дом.

— Угу, давай!

Шэнь Цзянань откинул ногой подножку велосипеда и укатил. Вскоре он уже был у дома Чжао Цзяньчэна — как раз вовремя, чтобы застать вернувшееся с полей семейство у ворот.

Остановив их, он при всех сельчанах рассыпался в благодарностях перед Чжао Цзяньчэном. А когда Цинь Фэнъин осмотрела велосипед и подтвердила, что всё в порядке, он с веселой улыбкой зашагал обратно к своему домику на склоне холма.

Заметив распахнутую калитку и хлопотавшего на кухне Гу Юя, он поспешил внутрь:

— Брат Гу, я помогу!

— Давай! — Гу Юй оглянулся через плечо и продолжил помешивать в котле похлебку из батата и кукурузы. — Что у тебя за мешок такой? Тяжелый страсть.

— А, ткани! — Шэнь Цзянань подкинул в печь охапку хвороста, вымыл руки и, принимаясь за нарезку овощей, пояснил: — Купил на швейной фабрике «Хунсин» лоскутов. Хочу сшить всякие мелочи на подарки, а если попадется пара хороших цельных отрезов — сошью одежду или рюкзачки.

Гу Юй нахмурился:

— Ты... собрался затевать торговлю?

— Ничего подобного, — сбивчиво ответил Шэнь Цзянань. — Не переживай, я знаю меру.

— Какую еще меру? — голос Гу Юя резко упал. — Цзянань, брось свои уловки. Неужто не знаешь, как нынче свирепствуют проверки?

— Знаю.

Поняв, что отговориться не выйдет, Шэнь Цзянань отложил нож, повернулся к нему лицом, и черты его лица тут же отразили полнейшую решимость:

— Братишка, не бойся, я не стану делать того, что подвергнет меня опасности. Я планировал...

— И всё равно нельзя! — не дослушав, оборвал его Гу Юй. — Мы можем действовать постепенно, шаг за шагом. Я не позволю тебе рисковать.

От этих слов Шэнь Цзянань помрачнел:

— Брат, следуя твоей логике, мы должны вечно оставаться в положении жертв? А ты подумал, к чему это приведет?

В памяти Гу Юя тут же всплыла сегодняшняя встреча на полях с теми двумя злыми духами — оба зыркнули на него исподлобья, полные ненависти, словно заживо готовы были сожрать.

И еще эта тетка с дядей, чьи намерения в далеком Пекине оставались неясными — точно часовая бомба. Если не обуздать эти три стороны, его собственное положение станет невыносимым, а беда настигнет не только его самого, но и Шэнь Цзянаня с разбросанными по разным краям членами его семьи.

От этих мыслей Гу Юя прошиб холодный пот, и одновременно в груди заворочалось чувство вины перед мальчишкой:

— Это я втянул тебя во всё... я...

— Брат Гу! — видя, что тот снова упирается лбом в стену, Шэнь Цзянань рассердился. — Ты что, считаешь меня чужим?

Гу Юй застыл:

— С чего ты взял?

— А вот и считаешь! — Шэнь Цзянань широко раскрыл глаза, полные горькой обиды. — Иначе почему ты так старательно проводишь между нами черту? Мы же четко договорились делить и радость, и горе, и бороться вместе!

«Отмежеваться» от парня он позволить не мог — в противном случае бороться в одиночку с Чжао Цзяньго, Цзян Хунмэй и неизвестно когда появляющимся «автором сюжета» окажется непосильной ношей.

Поэтому, улучив момент, пока тот не смотрит, он изо всех сил ущипнул себя за бедро. Глаза моментально покраснели от боли, и тогда он отпустил руку, изобразив отчаяние и яростно уставившись на собеседника:

— Ладно! Раз ты не желаешь признавать меня родным человеком и младшим братом, я прямо сейчас пойду к Чжао Цзяньчэну просить другое жилье, чтобы больше не мозолить тебе глаза!

С этими словами он с возмущенным видом развернулся к выходу. Гу Юй с испугом протянул руки и перехватил его:

— Цзянань, я не это имел в виду.

— Отпусти!

Шэнь Цзянань стряхнул его ладонь и бросился во двор. Испугавшись по-настоящему — ведь тот и вправду мог уйти жить в другое место, — Гу Юй единым рывком настиг его у самой двери и крепко обхватил со спины:

— Выслушай... меня!

<http://bllate.org/book/22418/2353681>